

Закалка переводом

Об идеологической стороне переводческой практики и преподавания перевода

В последние два с небольшим десятилетия переводоведение, особенно западное, несколько поохладев к лингвистическим теориям перевода, занялось изучением перевода с социальной, психологической, идеологической, культурологической и прочих сторон. В частности, нередко поднимается вопрос о переводе как инструменте манипуляции, а также об идеологической подоплеке преподавания перевода.

Э. Честерман в своей весьма любопытной книге «Мемы перевода» пишет, излагая «полисистемный» подход к переводу¹: «Перевод как занятие [переводоведы соответствующего направления – Д.Б.] ставят в один ряд с такими видами компиляционной и переделывающей деятельности, как составление антологий и историография. В этой связи поднимаются вопросы о власти и идеологии, а в современный научный обиход вошло понятие манипуляции... Что бы там ни говорили сторонники теории эквивалентности “любой перевод предполагает определенные манипуляции с оригиналом, производимые с той или иной целью” (Hermans 1985: 9; см. также Fawcett 1995) А тексты перевода, в свою очередь, оказывают манипуляторское воздействие на культуру переводящего языка, формируя, в числе прочего, восприятие этой культурой культуры языка оригинала»².

А вот – чтобы, не теряя времени, сразу задать контекст – другой показательный отрывок из статьи о постмодернистском подходе к преподаванию перевода:

Постмодернистский преподаватель перевода постарается осознать свой «текстуальный авторитет», свою ответственность за предлагаемые им интерпретации и ту по сути политическую роль, которую он играет не только в учебной аудитории, но и – самое главное – в социуме, к которому он принадлежит. Осознав все это, а также признав необходимость обнажить структуру властных взаимоотношений, задающую смысловые и иерархические взаимоотношения, которые под видом «истин», в свою очередь, формируют обстановку в учебной аудитории, социуме и в конечном счете в его же собственной истории, такой преподаватель начнет занятия с того, что проведет деконструкцию методов и содержания учебного курса, а также его «официальных» задач. <...> Такой преподаватель не будет учить студентов следовать «всеобщим», «объективным» правилам, а вместо этого покажет им, что «правила» всегда локальны и изменчивы. <...> Иными словами, постмодернистский преподаватель не утратит «текстуального авторитета», но постарается сделать его как можно более прозрачным, постарается показать студентам, что этот авторитет, как и любой другой авторитет (как в данном учебном заведении, так и за его стенами), является разновидностью власти и может быть преодолен³.

Я не буду комментировать призывы бразильской исследовательницы срывать со всего и вся покровы, избличать власть, свою и чужую, и чуть ли не каяться перед студентами за собственную тиранию. Но, как мне представляется, мысль об идеологической⁴ установке переводчика и преподавателя все же заслуживает обсуждения.

¹ Здесь и далее переводы иностранных цитат выполнены автором статьи.

² Chesterman A. *Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – p. 38.

³ Arrojo R. *Postmodernism and the teaching of translation // Teaching Translation and Interpreting 3. New Horizons / Papers from the 3rd Language International Conference. Elsinore, Denmark, 9–11 June 1995 / ed. by Cay Dollerup, Vibeke Appel.*

⁴ Здесь и далее слово «идеологический» употребляется без какого-либо политического подтекста и соотносится со следующим значением слова «идеология» – «совокупность связанных между собой идей и требований, выступающих как основа конкретных действий, решений и т. п.» (БТСРЯ под ред. С.А. Кузнецова).

Наверное, все переводчики со мной согласятся в том, что автор перевода не только ориентируется на текст оригинала, словари, справочники, теоретические положения и практические наработки, но и постоянно осмысливает исходный текст, интерпретирует его и – как ни крути – излагает его заново. Э.-А. Гутт утверждает: «С точки зрения теории релевантности, процесс перевода оказывается частным случаем интерпретативного использования языка, ведь перевести – значит перевыразить на одном языке то, что кто-то сказал или написал на другом. Следовательно, в принципе перевод можно сравнить с цитированием или употреблением косвенной речи в рамках одного и того же языка»⁵.

А излагать заново не добавляя от себя каких-либо интерпретаций, нюансов, обертонов невозможно. Точнее говоря, так делают только неумелые начинающие переводчики, ещё не научившиеся «пропускать текст через голову» и пытающиеся переводить подстановкой русских слов (частью позаимствованных из словаря) в иностранную синтаксическую конструкцию. В таком переводе «идеологической позиции» переводчика действительно не найдешь. Правда, и назвать результат подобного межъязыкового посредничества переводом тоже можно только с натяжкой.

Все вышесказанное отнюдь не означает того, что в таком понимании перевод – понятие субъективное, сродни индивидуальному творчеству. Просто, как мне кажется, субъективный, «идеологический» компонент, играющий, безусловно, подчиненную роль по сравнению с объективными переводческими закономерностями, тоже заслуживает внимания. Довольно познавательной в этой связи оказывается статья «Идеология и перевод» из «Энциклопедии переводоведения»⁶. Здесь вопрос идеологии в переводе в основном рассматривается как проблема власти, силы, доминирования, проявляющаяся в предпочтении буквалистического или, напротив, свободного перевода, ориентации переводчика на ту или иную целевую аудиторию, учете (или неучете) языковых предпочтений тех или иных меньшинств и т. п.

В этой статье я попытаюсь «деконструировать» свой подход к преподаванию перевода и по возможности объяснить, почему свою «политическую роль» в аудитории я все-таки играю так, а не иначе. Сразу оговорюсь, что в этой статье я буду говорить только за себя, хотя, думается, многое из написанного здесь в той или иной степени свойственно и моим коллегам. И ещё одна оговорка: речь пойдет преимущественно о письменном переводе с иностранного языка на русский, который я преподаю и с которым преимущественно работаю (а писать хочется именно о том, что знаешь лучше).

Опора на традиции

Итак, моя задача – обнаружить дополнительные, в какой-то степени «идеологические» установки, которыми я и мои коллеги руководствуемся в процессе преподавания и которые накладываются поверх более или менее объективного теоретико-практического базиса. Одной из первых на ум приходит установка на языковой консерватизм – временами осознанное, временами подсознательное неприятие малоосвоенных заимствований, новомодных синтаксических конструкций и т. п.

Подробно о роли разумного консервативного подхода к переводу я уже писал⁷ и повторять ранее приводившиеся аргументы не хочу. Здесь добавлю только некоторые соображения, призванные рационально обосновать подобную позицию.

---

⁵ Gutt E.-A. Pragmatic Aspects of Translation: Some Relevance-Theory Observations // The Pragmatics of Translation / Ed. by Leo Hickey / Topics in Translation: 12. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LtdБ, 1998. – p. 46.

⁶ Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by Mona Baker. – London, New York: Routledge, 2001. – p. 106–111.

⁷ Бузаджи Д.М. Разумный консерватизм. О принципе пространственно-временной универсальности перевода // Мосты 2(26)/2010. – М.: Р.Валент, 2010. – С. 47–60.

Языковой новодел (не подлинное новаторство, основанное на творческом использовании ресурсов языка, а именно безвкусный, крикливый новодел) опасен тем, что под его влиянием язык теряет конкретность, богатство, глубину. Нетрудно написать (хоть в оригинальном русском тексте, хоть в переводе), что некто «очень позитивный» человек. Но какую характеристику мы ему дали? Имеется ли в виду «оптимистичный», «неунывающий» или «веселый»? А может, «дружелюбный», «добрый», «легкий в общении»? Одно неказистое словцо (новое, конечно, не само по себе, а в таком употреблении) как бесформенная клякса на четких клеточках семантического поля. Говорящий «типа сказал», а слушающий «типа понял», хотя смысл остался весьма неопределенным.

В связи с недавними событиями в аэропортах «Домодедово» и «Шереметьево» тележурналисты с энтузиазмом подхватили слово «коллапс» (мелькало оно и раньше, но, пожалуй, не так часто). Можно было делать ставки: в каком по счету предложении репортажа об аэропорте появится «транспортный коллапс» – сразу в первом или журналист дотерпит до третьего. Но что такое «транспортный коллапс», чего конкретно бояться людям, собирающимся лететь на самолете? Пробки на подъезде к аэропорту? Задержки рейсов? Столпотворения внутри терминала? Все таки речь идет о катастрофе или просто о неразберихе? Крахе авиатранспортного узла или всего-навсего временной сумятице? Журналисту нет времени разбираться.

И дело не только в том, что из-за подобных нелепиц конкретный акт коммуникации становится неопределеннее и беднее. Более убогим становится и сам переводящий язык (ПЯ). Если сравнить переводящий язык с роялем, то переводчик – исполнитель, которого долго учат с этим инструментом достойно обращаться. Так, чтобы слушатели не только с грехом пополам разбирали мотивчик, но и чувствовали произведение композитора (автора текста оригинала) во всей его смысловой и эмоциональной полноте. Теперь представим себе, что на рояле остались всего пять-шесть клавиш (под названием «проблема», «акция», «тренд», «бренд» и «достаточно сложно»). Для Бетховена маловато, а изобразить на них собачий вальс может кто угодно. Тут нечему учиться и нечему учить.

Одним словом, идя на поводу у бездумного языкового новаторства, переводчики сами рубят сук на котором сидят. Они способствуют созданию такого языка и закреплению в сознании заказчиков и рецепторов перевода таких критериев, при которых разница между талантливым и бездарным переводом стирается. Если толковые переводчики не хотят остаться без работы, они должны все-таки заботиться о своем главном рабочем инструменте.

Скромность

Так получилось, что и об этой стороне работы переводчика я отчасти уже писал⁸. Как и в случае с консерватизмом, здесь приведу только некоторые новые аргументы и примеры.

Уже цитировавшая мной Роземари Аррожу обвиняет преподавателей перевода «традиционного толка» в том, что они «учат студентов не признавать самих себя за смыслопорождающих субъектов и... не обращать внимания на по сути политический характер как перевода, так и преподавания вообще», и в том, что они «игнорируют социальное происхождение и личностные установки своих студентов»⁹. А Ракефет Села-Шеффи и Мириам Шлезингер утверждают, что из-за ряда неблагоприятных обстоятельств переводчики сегодня – «люди практически “невидимые”, а их профессия малоизвестна и

---

⁸ Бузаджи Д.М. Переводчик прозрачный и непрозрачный // Мосты 2(22)/2009. – М.: Р.Валент, 2009. – С. 31–38.

⁹ Агтојо Р. Указ соч.

Статья опубликована на сайте о переводе и для переводчиков «Думать вслух»

<http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>

малопрестижна»¹⁰. Одним словом, налицо призыв к тому, чтобы выйти из тени и «любить не искусство в себе, а себя в искусстве».

Среди основных аргументов сторонников переводческой «непрозрачности», заметного присутствия переводчика в тексте перевода – протест против гладкописи. Якобы, самоустраняясь из перевода, переводчик неизбежно вынужден писать скучно, пресно, стандартно. Это, конечно, голословное утверждение, порожденное неразличением в оригинале и переводе общеязыковых и индивидуально авторских явлений, а также неправомерным смещением яркости и выразительности с буквалистической корявостью (как будто нельзя создать нетривиальный вариант перевода, соответствующий по своеобразию оригиналу и при этом не уродующий ПЯ и не выпячивающий «я» переводчика).

В этой связи можно вспомнить статью К.И. Чуковского «Вина или беда?», построенную по образу судебных заседаний и посвященную художественным переводам с русского на английский и с английского на русский, в которых был утрачен речевой колорит¹¹. Прокурор у Чуковского говорит:

– Вот они, улики вашей тяжелой вины! Написано у русского автора:

«Ой, лють там сегодня будет: двадцать семь с ветерком, ни укрыва, ни грева!»

А в вашем переводе читаем:

«О, сегодня там (будет) жестоко: двадцать семь градусов мороза и ветрено. Ни убежища. Ни огня».

Перевод этот вопиюще неточен. Ведь стиль русского подлинника простонародный, крестьянский: тут и **лють**, и **укрыв**, и **грев** – слова своеобразные, редкостные, никогда не входившие в так называемую литературную лексику.

Тот перевод, в котором **лють** воспроизведена как **жестокость**, **укрыв** – как **убежище**, **грев** – как **огонь**, не дает своим читателям ни малейшего представления о подлиннике. Ибо художественно точным может называться лишь тот перевод, в котором воспроизводится стиль оригинального текста.

(Текст, о котором говорит прокурор, – повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Повесть вышла в английском переводе Ральфа Паркера у лондонского издателя Виктора Голленца.)¹²

Адвокат же, выступая в защиту переводчиков, парирует:

– Прокурору очень легко говорить: «переводите просторечие просторечием», но пусть попробует применить этот демагогический лозунг на практике. У него решительно ничего не получится или получится вздор. Как в самом деле должны были поступить те мастера перевода, на которых он обрушился с таким неистовым пафосом? Передать крестьянско-солдатско-тюремный жаргон «терпельника» Ивана Денисовича жаргоном уэссекских фермеров Томаса Харди? Или наречием валлийских крестьян?..

И можно ли надеяться, что найдется искусник, способный правильно воссоздать в переводе стилистику «Трех солдат» Редиарда Кипплинга, из которых один говорит на англо-шотландском наречии, другой – на англо-ирландском, а третий – на уличном жаргоне восточного Лондона?

¹⁰ Sela-Sheffy R., Shlesinger M. Strategies of image-making and status advancement of translators and interpreters as a marginal occupational group A research project in progress // Beyond Descriptive Translation Studies / ed. by Anthony Pym, Miriam Shlesinger, Daniel Simeonit. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – p. 80.

¹¹ Чуковский К.И. Вина или беда? // Литературная газета, 3 августа 1963 г. (<http://www.speakrus.ru/articles/chukovsk.htm>)

¹² В переводе Паркера это предложение звучит так: “Oh, it’d be cruel there today: seventeen degrees below zero, and windy. No shelter. No fire.” Однако другому переводчику, Гарри Уиллеттсу, все же удалось сделать это предложение более живым: “It would be murder out there – twenty-seven below, with a mean wind blowing, no shelter, and no hope of a warm!”

Здесь Чуковский допускает определенные неточности: территориальные диалекты действительно в переводе невоспроизводимы, однако просторечие передать просторечием вполне возможно¹³. Но и при переводе «Трех солдат», хотя речь главных героев у русского читателя ассоциироваться с конкретной местностью не будет, можно достичь большей или меньшей яркости речевого образа например:

R. Kipling The Madness of Private Ortheris	Пер. Е.М. Чистяковой-Вэр	Перевод Н. Рахмановой
‘‘Twasn’t for that we bid you welkim, Sorr,’ said Mulvaney, sulkily.	– Мы не для этого приглашали вас, сэ, – хмуро проговорил Мельваней.	– Мы вас не из корысти приглашали, сэ, – с укоризной сказал Малвени.
‘Fwhat’s that for?’ said Mulvaney. ‘Have ye not drunk enough?’ ‘Tott’nim Court Road, an’ a gal I fancied there. Wot’s the good of sodgerin?’	– Чего ты, – спросил Мельваней, – или мало выпил? – Мне пригрезилась Тоттнимская дорога, а на ней девчонка. Что хорошего – тянуть ляжку солдата?	– С чего это? – спросил Малвени. – Недопил, что ли? – Вспомнил Тоттенхем-Корт-роуд и одну девчонку в тех краях. Здорово она мне нравилась. Эх, проклятая жизнь солдатская!
‘I don’t care. It’s all one to me. ‘Ow d’you know I ain’t ‘fraid o’ dyin’ ‘for I gets my discharge paipers?’	– Мне все равно. Все одно. Откуда ты знаешь, что я не боюсь умереть прежде, чем получу отпускной билет?	– Ну и что? Все едино! Почему ты знаешь, может, я боюсь сдохнуть раньше, чем получу увольнительные бумаги.

Несмотря на непреодолимые препятствия, связанные с диалектальными различиями, перевод Н. Рахмановой – за счет разговорной и просторечной лексики, разговорного синтаксиса, лаконичности – дает гораздо более верное представление о характере оригинала. А более гладкий перевод Е.М. Чистяковой-Вэр оказывается в то же время менее прозрачным.

Впрочем, в установке на скромность есть и общечеловеческий моральный аспект. Во многих областях искусства, ремесла, науки существует альтернатива: с одной стороны, путь шумный, звонкий, полный внешних эффектов и самовосхваления, а с другой – путь тихой, неброской работы, путь скромного мастерства, которое оценить по достоинству может только профессионал. И если использовать терминологию постмодернистских переводоведов, то свой «текстуальный авторитет» мы стараемся употреблять в том числе на то, чтобы направить студентов по второму пути.

Разграничение культур

Критик, писатель и поэт Аполлон Григорьев в статье «О русских народных песнях. По поводу сборника Якушкина» писал:

Три рода восприимчивости даются человеческим натурам: 1) один видит во всём новом, ему представляющемся, ту сторону, которая в новом сродственна с прежним, ему известным; 2) другого во всём новом поражает только резкая отличительная особенность этого нового, которую он и вносит в душу свою, в разорванности со всем прежним; 3) третий, наконец, иногда с первого, иногда не с первого раза совсем овладевает новым явлением и вносит его в душу целостно как особенное, но находящееся между тем в гармонической связи со многим уже прежде воспринятым... Первого рода восприимчивость весьма дешева и встречается у многих; она обусловлена известной

¹³ Подробнее о роли просторечия (социальных диалектов) в качестве средства компенсации территориальных диалектов в переводе см.: Ланчиков В.К., Яковлева М.А. Почетная капитуляция // Мосты 4(24)/2009. – М.: Р.Валент, 2009. – С. 13–21.

степенью пошлости воспринимающей души, известной степенью узости взгляда, не видящего ничего, кроме старого горизонта домашнего курятника... Собственно же говоря, это есть не что иное как способность увидеть в новом лице, созданном художником, какого-нибудь Ивана Андреевича или Татьяну Савишну из своих знакомых..., способность барышни самое грозное и безотрадное стихотворение Лермонтова применить к конфетной своей страстишке наравне с другими, совсем гладенькими стихами... Второго рода восприимчивость совершенно противоположна первой. Людям, одарённым ею в той или другой степени, преимущественно кидаются в глаза во всяком новом явлении его резкие особенности, его исключительные стороны; так, например, в языке какого-либо сословия только одни его странности... Такого рода восприимчивость выразится, конечно, в рабской копировке особенностей явления, и всё жёсткое, мёртвое, сухое, что находится вообще в копировке, хотя бы и самой лучшей, заключается в этой восприимчивости... Наконец, третьего рода восприимчивость самая редкая и самая дорогая; она, как талант, бесконечна и разнообразна и её в определение не уловишь¹⁴.

Эти слова, хотя и сказанные не о переводчиках, многое объясняют в переводческой деятельности, в установках отдельных переводчиков и целых направлений и школ перевода. Читателю, заинтересовавшемуся этим вопросом, можно порекомендовать ознакомиться со всей статьей В.К. Ланчикова, откуда позаимствована эта цитата. Здесь же я постараюсь сформулировать некоторые соображения, касающиеся восприятия переводчиком культуры исходного языка (ИЯ) и ПЯ, но при этом относящиеся не столько к научной, сколько к идеологической стороне перевода и преподавания.

Стоит сразу отметить, что восприятие культуры ПЯ связано и с представлением переводчика о характере читательской аудитории перевода. Итак, в этом разделе речь пойдет о том, как (начинающий) переводчик видит культуру ИЯ по сравнению со своей собственной и для кого он переводит.

Конечно, можно полностью согласиться с В.К. Ланчиковым, указывающим на то, что переводчик должен вырабатывать у себя третий тип восприимчивости, позволяющий и замечать чужое, и видеть сходство между чужим и своим. По мысли В.К. Ланчикова, переводчик, наделенный «второго рода восприимчивостью» будет «буквалистичным до мозга костей»¹⁵. А перевод, на котором лежит отпечаток «первого рода восприимчивости», характеризуется желанием «приспособить явления иной культуры к уже известному и понятному, ко вкусам и представлениям той среды, для которой создаётся перевод, уводит переводчика в сторону вольности»¹⁶. Однако рискну высказать, возможно, парадоксальную мысль: бывает, к буквалистическому переводу приводит, напротив, неумение увидеть своеобразие иноязычной культуры, а к вольному, «одомашнивающему» – чрезмерное увлечение экзотикой.

На занятии обсуждается перевод фельетона Д. Барри, посвященного предрождественской суете и сражениям покупателей за парковочное место у торгового центра, за свободного продавца и т. д. В предложении “So we follow our shoppers closely, hunched over the steering wheel, whistling “It’s Beginning to Look a Lot Like Christmas” through our teeth, until we arrive at her car, which is usually parked several time zones away from the mall” два или три студента говорят, что передали название песни *It’s Beginning to Look a Lot Like Christmas* как «В лесу родилась елочка».

Можно ли сказать, что в американском фельетоне они углядели только «Татьяну Савишну»? Как мне представляется, нет. Они прекрасно понимают, что никакой «Елочки» американцы не поют, и на своем варианте не настаивают. Просто нетривиальная переводческая задача (упоминается реальная песня, но русскому читателю она совершенно незнакома), «экзотика» этой ситуации настолько их смутила, что они с

¹⁴ Цит. по: Ланчиков В.К. «Три рода восприимчивости» // Столпотворение № 8/9 2003. – М: Вагриус, 2003. – С. 90.

¹⁵ Ланчиков В.К. Указ соч. – С. 93.

¹⁶ Ланчиков В.К. Указ соч. – С. 95.

перепугу бросились в противоположную сторону. Кстати, из более удачных вариантов можно упомянуть замену *It's Beginning to Look a Lot Like Christmas* на «Джингл Беллз». Это и русскому читателю знакомо, и американскому контексту не противоречит. Занятно, что хотя такой перевод более ориентирован на культуру ИЯ, чем «В лесу родилась елочка», он при этом не является более буквальным и требует учета культуры ПЯ (надо вспомнить, что из американского рождественского репертуара может быть знакомо нашей аудитории).

Чаще, однако, бывает так: бездумно перенося в перевод ложных друзей переводчика, употребляя неестественные (или менее естественные) для русского языка конструкции, уснащая перевод иноязычными кальками, студент мотивирует это не тем, что он дескать хотел подчеркнуть своеобразие оригинала (второй род восприимчивости), а тем, что у нас «так говорят». То есть налицо как раз неумение увидеть, что английский (в нашем случае) оригинал в культуре ИЯ может функционировать совсем не так, как его пошлое русское подобие в культуре ПЯ.

Показательна, к примеру, пара «manager – менеджер». Увидев в английском тексте знакомого «Ивана Андреевича», студент, особо не раздумывая, вставляет в перевод слово на букву «м». Начинаем выяснять, какова роль manager'а для носителя английского языка. Выходит – роль директора, начальника, управляющего. А что такое «менеджер» в российском обиходе? Да, по сути, что угодно. Вот несколько выдержек из объявлений, опубликованных на сайтах поиска работы (привожу наименование вакансии и некоторые обязанности):

- Менеджер по продажам
  - продажи клиентам услуг организации;
  - активный поиск потенциальных клиентов-потребителей услуг;
  - ведение переговоров и переписки с клиентами.

Похоже, это просто торговый агент. А если переводить такое объявление на английский язык, то в заголовке будет *sales assistant*, *sales associate*, *salesperson*, но уж точно не «менеджер».

- Менеджер по туризму
  - консультирование клиента по вопросам выбора тура;
  - подготовка документов для подачи в консульства.

Ясно, рядовой сотрудник турагентства. По-английски – *travel agent*.

- Менеджер по персоналу
  - полное ведение кадрового учета и делопроизводства (прием, увольнение, перемещение персонала, ОМС, пенсионное страхование, оформление отпусков);
  - подбор персонала на вакантные должности (размещение вакансий в СМИ, Интернет, проведение первичного отбора кандидатов, взаимодействие с руководителями подразделений, организация повторных собеседований).

А этот человек хотя и может быть manager'ом (*HR manager*), но по-русски все-таки известен как «начальник отдела кадров». Если же имеется в виду не начальник, а сотрудник, то по-английски его должность будет звучать, например, как *HR specialist*.

Но если по-русски «менеджер» – это фактически любой офисный работник, которому хочется пустить пыль в глаза, то разве годится это слово для передачи честного английского *manager*, происходящего от глагола *to manage* («управлять»)?

Кстати, вспомним заманчивое русское слово «коллапс», о котором речь шла выше. На днях один ученик (взрослый сотрудник компании) на занятии по английскому языку рассказывал об отключении электричества в «Домодедово» и отменах рейсов. Наслушавшись русских новостей, он несколько раз назвал все это происшествие *the collapse at Domodedovo*. Носитель английского языка, встретившись с этим речением, решил бы, что в аэропорту рухнула стена или обвалился потолок. Носитель английского языка, захотев описать происходящее, сказал бы просто *electricity problems, travel delays* или, если надо поднять градус экспрессии, *chaos*. Для сравнения: заголовок англоязычного русского портала *Russia-InfoCentre*: “*Sheremetyevo blames Aeroflot for the transport collapse*”¹⁷; заголовок «Би-би-си»: “*Moscow flight chaos causes airport scuffles*”¹⁸. Справедливости ради отметим, что сочетание *transport collapse* в оригинальных английских текстах тоже возможно, но оно скорее будет указывать на более масштабное событие, например выход из строя всей транспортной системы города, нарушение пассажироперевозок в регионе и т. п.

Может быть, это спорно, но мне кажется, что такое смешение культур ИЯ и ПЯ гораздо опаснее, чем чрезмерное увлечение экзотикой. От второго относительно легко отучить, первое же сидит крепко, тем более что окружающая обстановка всецело к такому взгляду на мир подталкивает. Фильмы, снятые по голливудским шаблонам; развлекательные передачи, выпускаемые по западным лицензиям; реклама, в которых действует какая-нибудь «домохозяйка Елена», проживающая в усреднено-американском интерьере и имеющая вполне американских по виду детей; радио- и телеведущие, увлеченно играющие в американцев; надписи в магазинах вроде «Подарок внутри» (вместо «В коробке подарок») или «Спасибо за Вашу покупку» (вместо «Спасибо за покупку») – всё это наводит на мысль о том, что по крайней мере в паре «английский-русский» особенно церемониться нечего: хоть некоторые слова (пока) разные, культура одна.

Обычно сторонники такого взгляда полагают, что «английским сегодня владеют все» и характеристики узкого круга своих знакомых склонны распространять на всех носителей русского языка без разбора профессии, возраста и места проживания. Забавно, что эти «англоманы» далеко не всегда отличаются хорошим знанием английского языка и культуры. Так, недавно один студент доказывал мне ненужность кириллической транскрипции английских названий, поскольку «всем всё и так понятно». Этот же студент считает, что компания Билла Гейтса называется «Микрософт».

Итак, если коротко сформулировать идеологическую установку, о которой идёт речь в этом разделе, получится что-то вроде: «Ясно видеть различия между культурами ИЯ и ПЯ и ориентироваться на читателя, не знающего на ИЯ ни слова и не обладающего в культуре ИЯ никакими специфическими познаниями».

Буквалисты-постмодернисты могут увидеть в такой установке вопиющее неуважение к читательской аудитории перевода и сказать, что я призываю выдавать переводческий ширпотреб необразованным массам, тогда как они потчуют изысканным продуктом эрудированного читателя-эстета. Несостоятельность такой позиции будет хорошо видна, если мы вспомним о том, что перевод – услуга, которую высококвалифицированный специалист оказывает за деньги неспециалисту (или специалисту, не желающему в данном случае возиться самому). Вряд ли человек, оплативший ремонт, обрадуется, если прораб – из уважения к творческим способностям заказчика – предоставит ему докрашивать потолок самостоятельно, или режиссёр,

¹⁷ <http://www.russia-ic.com/news/show/11359/> (Кстати, владельцы этого портала трогательно признаются: “The main goal of the project is to convey the information to our readers and we do not make the writing style our priority. English is the second language for us, therefore, we would be grateful if you informed us about the errors you noticed in our content”).

¹⁸ <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-12084319>

приглашённый снимать свадьбу, вместо фильма предложит «скинуть видео на жёсткий диск» – а монтируйте сами, как захотите.

Дать читателю такой перевод, в котором факты, оценки, эмоции, юмор, ирония, патетика, каламбуры, намёки понятны в силу того, что хорошо переданы, а не в силу того, что читатель, крихтя, сам скумекает, что там было в оригинале, – это и есть высшее проявление уважения и к аудитории, и к переводимому автору, и к переводящему языку, и к профессии переводчика.

Завершить этот раздел, начавшийся цитатой из Аполлона Григорьева, хочу цитатой из писателя и философа XIX в. Константина Леонтьева. Согласно его концепции развития, всё на свете, от простейших организмов до государств, проходит в жизни три стадии: первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного упрощающего смешения:

Итак, что бы *развитое* мы ни взяли, болезни ли (органический сложный и единый процесс), или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно, что разложению и *смерти второго* (организма) и *уничтожению первой* (процесса) предшествуют явления: упрощение составных частей, *уменьшение числа признаков, ослабление единства*, силы и вместе с тем *смешение*. Все постепенно *понижается, мешается, сливается*, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее.<...>

При всех этих процессах гниения, горения, таяния, холерного поступательного движения заметны одни и те же общие явления.

А) Утрата особенностей, отличавших дотолде деспотически сформированное целое дерево, животное, целую ткань, целый кристалл и т. д. от всего *подобного и соседнего*.

Б) *Большее* против прежнего *сходство составных частей*, *большее внутреннее равенство*, *большее однообразие состава* и т. п.

В) Утрата прежних *строгих морфологических очертаний*: все сливается, все *свободнее и ровнее*.<...>

До дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого *невозвратного дня* достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору¹⁹.

Способность мыслить независимо

Раз эта статья приобрела философский привкус, уместно будет процитировать ещё одного философа, Хосе Ортегу-и-Гассета. В своей известнейшей работе «Восстание масс» он пишет:

Во всех сферах общественной жизни есть обязанности и занятия особого рода, и способностей они требуют тоже особых... Подобными делами всегда занималось опытное, искусное или хотя бы претендующее на искусность меньшинство. Масса ни на что не претендовала, прекрасно сознавая, что если она хочет участвовать, то должна обрести необходимое умение и перестать быть массой. Она знала свою роль в целительной общественной динамике.

...Роль массы изменилась. Все подтверждает, что она решила выйти на авансцену, занять места и получить удовольствия и блага, прежде адресованные немногим. Заметно, в частности, что места эти не предназначались толпе, и вот она постоянно переполняет их, выплескиваясь наружу и являя глазам новое красноречивое зрелище – массу, которая, не перестав быть массой, упраздняет меньшинство.<...>

Особенность нашего времени в том и состоит, что заурядные уши, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают её всем и всюду... Масса сминает все непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем²⁰.

¹⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Республика, 1996. – С. 127-134.

²⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 20–22.

К переводу эти слова имеют самое прямое отношение. Мало того, что сам перевод из занятия «искусного меньшинства» превращается в забаву для масс, массовый человек занял и смежные области, начал влиять на переводческую деятельность косвенно. Издатели, редакторы, журналисты, рекламщики, политики, деятели образования – это нередко массовые люди, которые, узурпировав места интеллектуальной элиты, не только сами дают ростки независимой творческой мысли, но и формируют вкусы остальной толпы по своему шаблону.

Я смотрю на стартовую страницу «Яндекса» и вижу среди новостных заголовков: «8 тысяч человек остаются без света в Подмоскovie», хотя, естественно, имеется в виду: «В Подмоскovie 8 тысяч человек остаются без света». А несколько дней назад в новостях сообщали, что «солнечное затмение будет сегодня наблюдаться на Земле» (как будто нас больше всего интересовал вопрос, на какой именно планете его лучше смотреть). Трудно после этого в переводе помнить про актуальное членение.

Нелегко убеждать студентов в существовании в русском языке правил употребления буквенных наращений, когда в рекламных объявлениях предлагают купить «5-ь Га земли» или «2-х комнатную (2х-комнатную/2-хкомнатную) квартиру».

Мысль о том, как важно учитывать сочетаемость, не всегда удается донести до человека, привыкшего к фразам вроде «Заработайте до пяти раз больше миль».

Поэтому и в переводческой практике, и при обучении переводу необходимо, во-первых, осмысливать форму и содержание любого сообщения критически, самостоятельно оценивая их грамотность и достоверность, а во-вторых, привыкать к тому, что обоснованное переводческое решение может разойтись с тем, что предлагает (или навязывает) большинство. В таком случае отказываться от решения ни в коем случае не стоит, поскольку компетентный переводчик может быть более прав, чем некомпетентное большинство.

На память приходит история, не так давно произошедшая на одном из российских телеканалов. Переводчик задумался о том, как произносится (и, следовательно, как транскрибируется кириллицей) фамилия внучки Уинстона Черчилля, в английском написании – *Sandys*. Ряд русскоязычных источников (впрочем, не претендующих на статус нормативных) упоминал эту женщину под именем «Селии/Силии Сандис». Правда, переводчику удалось найти материалы на английском языке, указывающие на то, что в английской аристократической фамилии *Sandys* буква «у» не произносится и вся фамилия читается как *Sands*. Наконец, англоязычный корреспондент канала, беря у этой женщины интервью, в обращении к ней произнес её фамилию [sændz].

Переводчик обратился в пресс-службу канала с просьбой изменить русское написание фамилии соответствующим образом, но, насколько мне известно, начальство осталось глухо к его предложению. Самое забавное, что установить верное кириллическое написание этой фамилии можно было даже без хитроумных разысканий. В известном «Словаре английских фамилий» А.И. Рыбакина указано: «**SANDYS** [sændz] Сандз». Более того, дается пояснение, из которого становится ясно, что *Sandys* – вариант фамилии *Sand* (*Sands, Sandes*).

Как тут не ещё раз не процитировать испанского философа, который говорил: «Сегодня, напротив, у среднего человека самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной. Поэтому он разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе? Нет никакого смысла выслушивать, и, напротив, куда естественнее судить, решать, изрекать приговор. Не осталось такой общественной проблемы, куда бы он не вступал, повсюду оставаясь глухим и слепым и всюду навязывая свои “взгляды”»²¹.

Может возникнуть вопрос, нет ли противоречия: с одной стороны утверждается ценность традиций и скромности, с другой – рекомендуется мыслить независимо вплоть

---

²¹ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. – С. 68–69.

до индивидуального бунта. На самом деле нет. Во-первых, в эпоху ломки устоев, культурной анархии приверженность традициям оказывается чуть ли не эксцентричной выходкой (попробуйте писать электронные письма без смайликов или переводить для глянцевого журнала не используя слово «эксклюзивный»).

Во-вторых, и внешний консерватизм, и внешнее новаторство могут быть как обдуманно, самостоятельными, так и целиком заимствованными, попугайскими. Суть предлагаемого здесь подхода к преподаванию не в том, чтобы студенты уснащали свои переводы оборотами вроде «неусыпно пещись» и «елико возможно», а в том, чтобы, создавая новое, они умели творчески обращаться со старым (как это, между прочим, прекрасно делают авторы многих переводимых произведений).

Ответственность

Коль скоро на первые роли в мире выдвинулся массовый человек, рухнули или рушатся многие твердыни истины и порядка. Например, печатный текст (я уже не говорю об электронном тексте), когда-то перед публикацией проходивший через редактора и корректора (не говоря уже о голове своего автора), утратил всякую надежность. В таких обстоятельствах на переводчика ложится двойная ответственность – «и за себя, и за того парня».

Вот в одной статье автор говорит про сверхтонкие часы, что они словно “dropped out of Edward Abbott’s *Flatland*, the classic fable of life in a two-dimensional world”, а переводчик переводит: «Казалось, они пришли к нам из странного романа Эдварда Эббота «Плоский мир», который рассказывает о жизни в мире, не знающем третьего измерения». Всё вроде бы правильно, если не считать того, что автора упомянутого произведения зовут не *Edward*, а *Edwin*, точнее – *Edwin Abbott Abbott*. Ошибка иностранного журналиста перекочевала в перевод.

Кроме того, эта книга, оказывается, ещё в 1974 г. была опубликована на русском языке издательством «Мир» (текст выложен в Интернете²²). А на сайте интернет-магазина «Озон» находим ссылку на современное переиздание этого перевода²³. Название романа в обеих публикациях – «Флатландия».

Другой случай позаимствован из статьи о яхте:

Оригинал	Перевод
Amusingly, Bonati uncovered that <i>Eilean</i> had also been the yacht used by the '80s pop sensation Duran Duran in their “Rio” music video. Shot at sea, it featured the band cavorting above deck, festooned in pastel-colored finery.	...Оказалось, что « Эйлен » – та самая яхта, которая появляется в клипе на песню «Рио» группы «Дюран Дюран»: участники популярнейшего коллектива 80-х в пиджаках и рубашках пастельных тонов кувыркаются на его палубе .

И тоже, на первый взгляд, всё ничего, если не задавать себе лишних вопросов. Если не выяснять, например, что *Eilean* – слово гаэльского языка, означающее «остров», и произносится не «эйлен», а «элен». И что в упомянутом клипе (его нетрудно посмотреть на «ЮТьюбе») на музыкантах надеты костюмы и рубашки, чьи цвета пастельными назвать трудно (черный, васильковый, темно-красный), да и кувырки никто из них не выполняет. Поэтому отредактированный вариант мог бы звучать так: «...Оказалось, что «Элен» – та самая яхта, которая появляется в клипе на песню «Рио» группы «Дюран Дюран»: участники популярнейшего коллектива 80-х в костюмах и рубашках самых веселых тонов отплясывают на его палубе».

²² http://reslib.com/book/Flatlandiya__Sferlandiya

²³ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/120934/>

Таким образом, последняя идеологическая установка, о которой идёт речь в этой статье, – установка на предельную ответственность. Ответственность за всё, что переводчик пишет в переводе или говорит по поводу чужих переводов; ответственность перед автором оригинала, читателями перевода, своими коллегами и в конечном счете культурами ИЯ и ПЯ.

Проверка фактов (в том числе за автора оригинала), проверка надежности источников, откуда эти факты почерпнуты, проверка своих языковых познаний в ИЯ и – что немаловажно – в ПЯ по словарям, справочникам, языковым корпусам и т. п. – переводчику приходится вооружаться справками, как адвокату в кляузном деле. Но без этого не обойтись, и можно ещё раз напомнить приводившийся выше довод: если не держать уровень профессии на достойной высоте, легко эту профессию (и, разумеется, своё место в ней) потерять. Как говорит Ортега-и-Гассет: «Скудость испанской интеллектуальной культуры не в большей или меньшей нехватке знаний, а в той привычной бесшабашности, с какой говорят и пишут, не слишком заботливо сверяясь с истиной. Словом, беда не в большей или меньшей неистинности... а в большей или меньшей недобросовестности, которая мешает выполнять несложные и необходимые для истины условия»²⁴.

***

Не Бог вещь какая оригинальная мысль, что, преподавая некий предмет, мы всегда учим ещё чему-то, что напрямую к предмету не относится. В лучшем случае это добросовестность, уважение к окружающим и к себе, человеческая и научная порядочность, здоровый идеализм. В худшем – хитрость, цинизм, нахальство, лицемерие. Я постарался вкратце описать те установки, которыми в процессе преподавания перевода руководствуюсь я и мои коллеги.

Важно понимать, что, если бы не было их, были бы другие, но их место всё равно бы не пустовало: просто вместо традиций была бы анархия, вместо скромности – самолюбование, вместо ответственности – безответственность и т. д. Даже если бы преподаватель поставил себе задачу не руководствоваться ничем, кроме «чистого переводоведения» (или «чистой переводческой практики»), обойтись без определённого идеологического подхода ему бы не удалось. Поэтому, думаю, мне, дать себе отчет в своих идеологических установках всё же полезно – да и студентам «правила игры» станут понятнее.

---

²⁴ Ортега-и-Гассет. Указ соч. – С. 70.